

Фирма «Фридрих Крупп»
на первой советской Всесоюзной
сельскохозяйственной выставке 1923 г.

Иван С. Блинов

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, furorteutonicus12@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена первой советской Всесоюзной сельскохозяйственной выставке и участию в ней германских предпринимателей, в частности фирмы «Фридрих Крупп». На основе анализа документов Российского государственного архива экономики, а также широкого пласта периодических изданий автор показывает, что советская выставка получила положительные оценки западных бизнесменов как чрезвычайно важное политическое событие, однако иностранным предпринимателям пришлось столкнуться с рядом проблем, связанных с особым характером советской экономической системы. Вопреки непростым условиям, установленным НКВД СССР для экспонентов, германские предприниматели смогли сохранить общий энтузиазм во многом благодаря осознанию особой политической значимости мероприятия и личной мотивации отдельных участников. На примере фирмы «Фридрих Крупп» автор рассматривает особенности реализации личных амбиций предпринимателей в контексте советской выставки. Так, для фирмы Круппа участие в выставке стало логическим продолжением развития предприятия в сельскохозяйственном направлении. Крупп стал проводником в мир передовых сельскохозяйственных технологий и использовал все возможности для укрепления связей с русским рынком, продолжая развивать сотрудничество, начавшееся с организации сельскохозяйственной концессии на юге Советской России.

Ключевые слова: фирма Круппа, промышленники Германии, Советская Россия, сельскохозяйственная выставка

Для цитирования: Блинов И.С. Фирма «Фридрих Крупп» на первой советской Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1923 г. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4. С. 156–166. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-156-166

Company “Friedrich Krupp” at the first soviet All-Union Agricultural Exhibition in 1923

Ivan S. Blinov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, furorteutonicus12@gmail.com*

Abstract. The article is focused on the first Soviet All-Union Agricultural Exhibition and the participation of German industrialists in it, in particular the Friedrich Krupp Company. Following the documents from the Russian State Archive of Economics, as well as a wide range of periodicals the author shows that the Soviet exhibition was positively reviewed by Western businessmen as an extremely important political event, but foreign entrepreneurs had to face a number of challenges associated with the special nature of the Soviet economic system. Despite the difficult conditions set by the People's Commissariat of Foreign Trade (NKVT) of the USSR for exhibitors, German companies could maintain a general enthusiasm, largely due to the awareness of the special political significance of the event and the personal motivation of individual participants. The author examines the peculiarities of realizing the personal ambitions of entrepreneurs in the context of the Soviet exhibition on the example of the Friedrich Krupp Company. Participation in the exhibition was a logical continuation of the Krupp development in the agricultural field. Krupp became a guide to the world of advanced agricultural technologies and used an every opportunity to strengthen ties with the Russian market, continuing to develop cooperation that began with the organization of an agricultural concession in the south of Soviet Russia.

Keywords: Krupp Company, German industrialists, Soviet Russia, agricultural exhibition

For citation: Blinov, I.S. (2020), “Company ‘Friedrich Krupp’ at the first Soviet All-Union Agricultural Exhibition in 1923”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 156–166, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-156-166

Введение

Одна из стратегий развития германо-советских отношений 1920-х гг. заключалась в реанимации русского хозяйства посредством активной помощи со стороны германской промышленности. Суть этой стратегии была лаконично сформулирована немецким послом в СССР графом Брокдорф-Ранцау: «Германская машина может стать средством для полного развития сельскохозяйственной мощи России, а продукты сельского хозяйства могут сделаться

жизненным нервом германской индустрии»¹. Пионером на этом поприще стала германская фирма «Фридрих Крупп», подписав 20 апреля 1922 г. договор с советским правительством о создании на территории СССР сельскохозяйственной концессии. Следуя наказу министра иностранных дел В. Ратенау, Крупп продолжал развивать отношения в выбранном направлении и осенью 1923 г. наряду с другими германскими компаниями принял участие во Всесоюзной сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке, проходившей в Москве. Несмотря на то что выставка была нацелена на демонстрацию достижений советского народного хозяйства, часть территории занимал так называемый Иностранный отдел, отведенный для экспозиции зарубежных предпринимателей. Предполагалось, что в период, когда «попасть в Москву было проще, чем в Берлине купить фунт сливочного масла»², гости столицы и будущие иностранные экономические партнеры смогут получить «надлежащее впечатление о возрождении хозяйственной жизни страны»³.

Сюжет участия иностранных фирм в московской выставке 1923 г. не получил должного отклика в отечественной и зарубежной историографии. В большей части исследований, посвященных германо-советскому экономическому сотрудничеству 1920-х гг., тематика советской выставки и участия в ней немецких промышленников полностью игнорируется. Между тем международная выставка может рассматриваться в качестве феномена, концентрирующего в себе торгово-экономические и политико-идеологические тренды времени. В рамках данной статьи предпринимается попытка ответить на следующие вопросы: являлась ли выставка «величайшим блефом»⁴ советского правительства или ее по праву можно считать важной вехой в истории германо-советского делового сотрудничества; удалось ли большевикам «пустить пыль в глаза иностранцам»⁵ и какую выгоду извлекли зарубежные предприниматели от участия в выставке? Таким образом, анализ этого события в контексте германо-советского сотрудничества 1920-х гг. позволит дать более объемное представление об особенностях взаимодействия германских промышленников с Советской Россией. В каче-

¹ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 480. Оп. 2016. Д. 7. Л. 204.

² В добрый час! // Время. 1923. № 267.

³ Всероссийская сельскохозяйственная выставка и национальности СССР // Правда. 1923. № 172.

⁴ Всесоюзная выставка // Руль. 1923. № 840.

⁵ Там же.

стве примера в данной статье рассматривается кейс экспонирования на выставке германской фирмы «Фридрих Крупп» – одного из самых ярких участников в деле восстановления русского сельского хозяйства.

Организация Иностранного отдела

В ноябре 1922 г. в Берлине открылось бюро по организации Иностранного отдела Всероссийской сельскохозяйственной выставки, основной задачей которого была «широкая пропаганда»⁶ предстоящего мероприятия. На ближайший год столица Германии превратилась в центр рекламно-издательской деятельности Главного выставочного комитета СССР. Наиболее широкая рекламная кампания была развернута на всемирно известной ярмарке в Лейпциге (Leipziger Messe), где Советская Россия имела собственный павильон.

С тем, что «большевики умеют рекламировать», соглашались даже антисоветские эмигрантские газеты⁷, однако за рекламными плакатами скрывалась серьезная бюрократическая дезорганизованность. Советская агитация с первых дней вызвала живой интерес немецких предпринимателей, однако в московских кабинетах долгое время не могли сформулировать конкретные цены и условия экспонирования для иностранных фирм. Давать согласие на участие в советской выставке без четко обозначенных «правил игры» для немецких предпринимателей было подобно лотерее. Поэтому министерство земледелия Германии потребовало приостановить рекламную кампанию в прессе до того момента, пока «с русской стороны не будет достаточного количества исчерпывающих данных»⁸. Участие германских фирм оказалось под угрозой. Лишь 17 февраля 1923 г., когда до старта выставки оставалось чуть меньше года, берлинское бюро главного выставочного комитета совместно с германскими промышленниками и представителями министерства иностранных дел сформулировали окончательные положения об участии иностранцев⁹.

По условиям немецкой стороны, Иностранный отдел должен был принять вид выставки-ярмарки, с возможностью продажи выставочных образцов техники на месте. Однако ввиду монополии на

⁶ РГАЭ. Ф. 480. Оп. 7. Д. 2016. Л. 204.

⁷ Московская выставка // Руль. 1923. № 849.

⁸ РГАЭ. Ф. 480. Оп. 7. Д. 2016. Л. 67.

⁹ Там же. Л. 98.

внешнюю торговлю такой формат мероприятия советская сторона в полной мере принять не могла. Так, для иностранных экспонентов была разработана специальная стратегия: каждый ввозимый товар был обязан получить лицензию НКВТ. На выдачу такой лицензии влияли качество товара и потребность в нем советского хозяйства. Срок действия лицензии строго ограничивался датами проведения выставки; запрос немцев на право принимать заказы на экспонаты в течение последующего года после окончания выставки советская сторона не удовлетворила¹⁰. Так Иностраный отдел приобретал характер классической ярмарки, где продавец мог торговать только тем, что смог доставить непосредственно на место торговли¹¹.

После окончания выставки советская внешнеторговая система не раз подвергалась критике со стороны германской прессы. Экономические обозреватели утверждали, что советская внешняя торговля нуждается в срочных изменениях, необходимых «для развития нормальных экономических отношений», так как на тот момент она сильно осложнялась «решениями бюрократических органов»¹².

Таким образом, уже на этапе переговоров несовершенство раннесоветского бюрократического аппарата поставило под угрозу участие в выставке части германских предпринимателей. Однако политическая значимость предстоящего мероприятия и личная мотивация отдельных бизнесменов позволили сохранить общий энтузиазм.

Миссия Круппа

Германская фирма «Фридрих Крупп» входила в число тех, для кого предстоящая советская выставка являлась отнюдь не факультативным событием – русский рынок сбыта уже давно вошел в поле зрения деловых людей из Эссена. Берлинский журнал «Акция», проводя библейские параллели, сравнивал ком-

¹⁰ Там же. Л. 101.

¹¹ Этим советская выставка значительно отличалась от передовых европейских. Так, например, Лейпцигская ярмарка представляла собой «выставку образцов» (Mustermesse), где выставлялись только образцы товаров, которые необходимо было заказывать у производителя.

¹² Deutschland auf der Moskauer Ausstellung // Berliner Börsen Zeitung. 1923. № 16.

панию Круппа с одним из трех волхвов немецкой промышленности, следующих за *советской звездой* в поисках источника доходов¹³.

Вместе с тем Крупп старался соответствовать образу миссионера, несущего передовую сельскохозяйственную мысль в массы. Риторика крупновских дипломатов строилась вокруг идеи о том, что только новейшие немецкие технологии способны помочь советскому хозяйству и всему русскому народу избежать катастрофы голодных лет.

В некоторой степени заверения Круппа не были лишены смысла. В первой половине 1920-х гг., после конверсии производства, предприятие стало активно развиваться в сельскохозяйственном направлении. Специалисты компании работали над механизацией и модернизацией способов сельскохозяйственных работ. Во многом этому способствовал свояк Круппа, занимавший пост заместителя председателя наблюдательного совета фирмы, – Тило фон Вильмовски. По его инициативе в 1921 г. был создан Имперский совет попечителей технологий в сельском хозяйстве (*Reichskuratorium für Technik in der Landwirtschaft*), главной опорой которого стало предприятие Круппа¹⁴.

Кроме того, активное участие в международных кампаниях имеющих явный антивоенный окрас, позволяло Круппу скрывать свои военно-промышленные амбиции и участие в русской выставке идеально укладывалось в эту модель поведения. Времена, когда имена крупных промышленников вызывали прямые ассоциации с войной, еще не миновали. На вопрос «кто виноват?» германская либеральная пресса по-прежнему отвечала однозначно: Крупп и Стиннес¹⁵. Восстановление передовых позиций на военном рынке под нависающим дамокловым мечом Версальской системы могло быть осуществимо только после того, как удастся убедить мировую общественность в окончательной перековке «мечей на орала». Таким образом, после «пацификации» производства¹⁶ участие в международной выставке, одной из повесток которой была «победа мира над войной»¹⁷, являлось во многом стратегической задачей.

¹³ *Broh J.* Der rote Faschismus // Die Aktion. 1923. XIII. S. 203.

¹⁴ *Wilmowsky, T. von.* Rückblickend möchte ich sagen...: an der Schwelle des 150 jährigen Krupp-Jubiläums. Oldenburg, Stallin, 1961. S. 179.

¹⁵ Die Schuldbeladenen // Freiheit. 1922. № 64.

¹⁶ *Hurwicz E.* Krupp in Sowjet-Russland // Die Weltbühne. 1923. 19/I.

¹⁷ Открытие Иностранного отдела выставки // Накануне. 1923. № 420.

Иностраннный отдел Первой Всесоюзной выставки

В то время как весной 1923 г. франко-бельгийские войска хозяйничали на заводах «Фридрих Крупп» в Эссене, а судьба директора фирмы Густава Круппа фон Болен решалась в застенках Дюссельдорфа¹⁸, советская Москва готовилась к открытию Первой Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Амбициозный проект молодой Советской России именовался «великим смотром», на котором все регионы страны представляли свою специализацию сельскохозяйственного производства. Масштабная территория выставки, с легкой руки М.А. Булгакова названная «городом-павильоном»¹⁹, заняла площадь бывшего пустыря и простиралась от Крымского вала до Нескучного сада вдоль реки Москвы.

Особые условия существования иностранных экспонентов на территории выставки определяли обособленное положение Иностранного отдела в контексте всего выставочного комплекса. Условную автономность отдела подчеркивала его локация. Павильоны зарубежных фирм располагались вне основной части выставки по другую сторону Крымского вала. Образованные таким образом два крыла выставки символично соединялись между собой подвесным деревянным мостом.

Можно говорить о том, что экономическая и пространственная организация выставки стала отражением характера актуальных на тот момент международных отношений. По одну сторону улицы европейские промышленники пытались поправить свое финансовое положение, налаживая новые рынки сбыта своей продукции, по другую – большевики занимались агитацией и пропагандой достижений советской власти, и все это связывалось хрупким мостом международных договоренностей.

Экспонент № 12

В Иностранном отделе Германия занимала положение *primus inter pares*. Несмотря на то что в выставке принимало участие несколько десятков государств, большую часть отдела занимали па-

¹⁸ В январе 1923 г. началась франко-бельгийская оккупация Рурского региона. Протестная демонстрация рабочих завода «Фридрих Крупп» привела к массовым беспорядкам и гибели нескольких десятков человек. Восемь директоров фирмы и сам Густав Крупп фон Болен были арестованы французскими войсками [Шредер 1998].

¹⁹ *Булгаков М.А.* Золотистый город // Накануне. 1923. № 447.

вильоны немецких фирм. По официальным данным Главного выставочного комитета, Германия занимала площадь в 3 500 м² и была представлена 80 фирмами и концернами²⁰.

Некоторые крупные фирмы, как, например, щедро финансируемый рейхсвером «Юнкерс» [Винклер 2013], могли позволить себе строительство собственных павильонов. Компания Круппа, находившаяся в сложном финансовом положении, обошлась без строительства отдельного помещения, однако все 110 м² германского отдела в главном «особо декорированном» павильоне были заняты крупновской техникой²¹. Таким образом, статус «лица германской промышленности» негласно закреплялся за фирмой «Фридрих Крупп».

«Экспонент № 12» – именно так в официальной документации обозначался Крупп – представлял собой объединение нескольких фирм, часть из которых входили в один концерн. Под эгидой Круппа экспонировались: «Фридрих Крупп Эссен» (Friedrich Krupp AG Essen), «Фридрих Крупп Грузонверк» (Friedrich Krupp Grusonwerk AG), «Крупп Эрнеманн» (Krupp Ernmann AG) и «Анилин Фабрик» (Anilin Fabrik). Неудивительно, что в одном ряду с сенокосилками, сноповязалками и сепараторами в крупновских павильонах выставлялись кино-фотоаппараты, бинокли и другие оптические приборы²².

Однако далеко не ассортимент фотопринадлежностей интересовал посетителей выставки. Экспозиция Круппа приковывала к себе внимание прежде всего как олицетворение того «рационального немецкого сельского хозяйства», которое в те месяцы внедрялось в донецких степях на территории крупновской сельскохозяйственной концессии [Блинов 2019].

Несмотря на несколько ящиков печатной продукции и рекламных материалов, привезенных на выставку²³, главной рекламной кампанией Круппа были те караваны техники, которые к тому моменту уже направлялись из Гамбурга в Новороссийск, на территорию концессии. Можно сказать, что в донских степях Крупп создал свою отдельную выставку. В подтверждение тому можно привести красноречивое описание территории концессии в очерке советского писателя Б. Кушнера: «Машинный парк подобран очень пестро. Нет двух машин одинаковых – все разные, как будто их сюда не для работы доставили, а на выставку или на выкидку»²⁴.

²⁰ РГАЭ. Ф. 480. Оп. 7. Д. 282. Л. 112.

²¹ Там же. Л. 170.

²² Там же. Д. 272. Л. 55.

²³ Там же. Л. 19.

²⁴ *Кушнер Б.* Крупп и Маныч // Новый ЛЕФ: Журнал левого фронта искусств. М.: Госиздат, 1927. № 1. С. 5.

Показательно, что количество и разнообразие техники было настолько велико, что во избежание простоя часть машин, прибывшая в Новороссийск, была направлена в Москву в качестве дополнительных экспонатов²⁵.

В этом смысле справедливо ехидство журналистов эмигрантской газеты «Руль» о том, что «в иностранном отделе, по-видимому, принимают участие фирмы, которые до выставки продали различным государственным учреждениям те или другие фабрикаты и согласились на помещение этих изделий на выставке»²⁶. Тем не менее большая часть экспонатов шла из Германии специально на выставку под контролем русско-германского транспортного объединения «Дерутра»²⁷.

Примечательно, что сами представители Крупна рассматривали советскую выставку безотрывно от концессии. Участие в русском «смотре» было лишь логическим дополнением к уже ведущейся бурной работе по внедрению немецкого «ноу-хау» в советское сельское хозяйство. Ответственный представитель фирмы директор П. Красс совершенно открыто говорил о том, что коммерческие интересы фирмы отходят на второй план, ведь присутствие Крупна на выставке – это в первую очередь политический жест, обозначавший серьезные намерения в русско-германском сотрудничестве²⁸.

Смещая акцент с коммерческих амбиций на политические, П. Красс не лукавил. Германские экономические аналитики с подозрением относились к «московской выставке» и призывали быть осторожными при заключении сделок, несмотря на всю политическую значимость сотрудничества с Советской Россией²⁹. В первую очередь вызывали опасение низкая покупательная способность и обнищание русского населения на фоне тяжелой экономической ситуации в стране. В большинстве случаев советские покупатели требовали долгосрочные кредиты. К тому же, как выяснилось уже после начала выставки, советская сторона поставила германских предпринимателей в неловкое положение, так как потребовала принимать 75% от суммы сделок исключительно в «обреченной на смерть» советской валюте³⁰.

²⁵ Крупновская концессия // Правда. 1923. № 113.

²⁶ Московская выставка // Руль. 1923. № 874.

²⁷ РГАЭ. Ф. 480. Оп. 7. Д. 235. Л. 2.

²⁸ Там же. Л. 117.

²⁹ Deutschland auf der Moskauer Ausstellung // Berliner Börsen Zeitung. 1923. № 16.

³⁰ Печать // Руль. 1923. № 850.

Эксперты сходились в одном: выставка – идеальное место для знакомства германских предпринимателей с советским рынком и возможностями ведения бизнеса в России, но неудачное для заключения серьезных сделок.

Заключение

Таким образом, организация выставки полностью отражала суть экономических взаимоотношений России с западными странами, в частности с Германией. Активная пропаганда преимуществ возрождающегося советского хозяйства, вкупе с очевидным несовершенством внутреннего бюрократического аппарата, создавали хоть и привлекательную, но достаточно зыбкую почву для успешного международного экономического сотрудничества. Выставка стала еще одним примером того, что советская внешнеторговая система начала 1920-х гг. не отвечала потребностям комфортной международной коммерческой торговли.

В советско-германском политическом дискурсе выставка получила лишь положительные оценки, так как в полной мере отвечала еще неугасшему «духу Рапалло». Германская промышленность в попытках найти дополнительные точки соприкосновения с советской экономикой не могла игнорировать подобные мероприятия, несмотря на непростые «правила игры» на русском рынке.

Для такого крупного промышленника, как Крупп, который к тому же уже имел серьезные контракты с советским правительством, участие в выставке по большей части являлось простой формальностью. Серьезных дивидендов продажа экспонатов принести не могла, так как ограничивалась жесткими условиями принимающей стороны. Однако совпадение идеологического вектора развития предприятия и концептуального наполнения выставки в духе «победы мира над войной» помогало решать сугубо прагматичные стратегические задачи.

Литература

- Блинов 2019 – *Блинов И.С.* Сельскохозяйственная концессия германской фирмы «Фридрих Крупп» (1922–1928 гг.) // Преподаватель XXI век. 2019. № 4. С. 292–298.
- Шредер 1998 – *Шредер Э.* Великие промышленники. Ростов н/Д: Феникс, 1998. 320 с.
- Винклер 2013 – *Винклер Г.* Веймар 1918–1933: история первой немецкой демократии. М.: РОССПЭН, 2013. 876 с.

References

- Blinov, I.S. (2019), "Agricultural Concession of the German Company 'Friedrich Krupp' (1922–1928)", *Prepodavatel XXI vek*, no. 4, Moscow, Russia.
- Schröder, E. (1998), *Velikie promyshlenniki* [Geschichte einer Unternehmerfamilie], Feniks, Rostov-on-Don, Russia.
- Vinkler, G. (2013), *Vejmar 1918–1933: istoriya pervoj nemeckoj demokratii* [Weimar 1918–1933. Die Geschichte der ersten deutschen Demokratie], ROSSPEN, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Иван С. Блинов, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; furorteutonicus12@gmail.com

Information about the author

Ivan S. Blinov, post-graduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; furorteutonicus12@gmail.com